

Научная статья
УДК 294.321
DOI: 10.18101/1994-0866-2022-4-48-56

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ БУДДИЗМА В БУРЯТИИ

© **Батомункуева Соелма Ринчиновна**

кандидат философских наук, научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
soelmul@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с распространением буддизма в Бурятии и факторами, способствовавшими его успешному инкорпорированию в культуру бурят, являющихся частью монгольского мира и имеющих неразрывные связи с ним. Эти факторы были связаны не только с выгодным геополитическим положением, но и общемонгольскими мировоззренческими основаниями, близкими к буддийским идеям. Распространение буддизма в среде бурят повлияло не только на религиозные традиции самого этноса, но и расширило границы культурной и религиозной картин мира России в целом. Несмотря на то, что на территории расселения бурят уже были распространены христианство и шаманизм, буддизм сумел искусно внедриться в социокультурное пространство бурятского общества. Более того, буддийская традиция, став одной из этнодифференцирующих характеристик, внесла значительный вклад в развитие бурятского этноса и способствовала дифференциации бурятской культурной традиции. Этот путь также стал путем становления и самого буддизма в Бурятии в условиях взаимодействия с шаманизмом, в результате которого начала складываться своеобразная, но унаследовавшая тибетские и монгольские традиции, региональная форма буддизма.

Ключевые слова: буддизм, Ваджраяна, буряты, буддизм в Бурятии, тибето-монгольский буддизм, буддийские культы, ассимиляция культов, шаманизм, шаманско-буддийский синтез, религия в Бурятии, ментальность бурят, культура бурят.

Благодарности

Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда № 21-18-00074 «Миры махаянского буддизма в контексте мировых цивилизационных процессов».

Для цитирования

Батомункуева С. Р. К вопросу об основаниях распространения и становления буддизма в Бурятии // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2022. Вып. 4. С. 48–56.

На территории современной Бурятии распространены христианство, буддизм и шаманизм. В настоящее время в Бурятии зарегистрированы 253 религиозные организации, из которых 84 организации относятся к Русской православной церкви, 76 представляют буддизм, 19 относятся к шаманизму. Существует также незначительное число религиозных организаций, представляющих Римско-

католическую церковь, ислам, веру Бахаи, вайшнавов, адвентистов, баптистов и т. д.¹

Несмотря на то, что в целом по республике христианство является наиболее распространенным вероисповеданием, общий социокультурный фон и религиозную картину все же создают именно буддизм и шаманизм. Д. Д. Амоголонова отмечает, что «позиции православия, являющегося главной религией России и номинально исповедуемого большинством населения республики, уступают в общественной значимости буддийско-шаманскому комплексу, являющемуся основной культурной характеристикой региона» [2, с. 17].

Также несмотря на доминантное в истории положение христианства в Российской Федерации и на то, что во времена ее имперства были периоды активной и где-то даже агрессивной христианизации бурятского населения, оно тем не менее остается религией, не занявшей лидирующее положение среди представителей бурятского этноса. Проблема была не столько в самом христианстве и его положениях или какой-нибудь «устойчивости» бурят к христианству, а в самой политике царского правительства, которая была вынуждена уделять большее внимание буддизму как «угрожающему» фактору устойчивости, возможно, и целостности империи в приграничных землях. Попытки сдерживания распространения и дестабилизации положения буддизма могли повлечь за собой проблемы, связанные с оттоком населения в соседнюю Монголию. Основную массу в приграничных монгольских землях составляли верующие буддисты и буддийское духовенство. Россия опасалась большего укрепления монголо-бурятских связей, потери контроля над кяхтинским узлом, связывавшим торговые, экономические и транспортные пути между Китаем и Монголией. Именно этим объясняется лояльная политика царского правительства, благодаря которой буддизм сумел широко распространиться среди бурят. Однако следует отметить, что популяризация буддийских идей и обычаев происходила неравномерно. В первую очередь, оплотом буддизма стали приграничные — южные районы Бурятии, и причины этого вполне понятны из вышесказанного. К. М. Герасимова отмечала, что отношение царского правительства к буддистам в границах империи имело свои существенные различия и оно зависело от роли и значения бурят и других буддистов во внутренней и внешней политике государства. Даже среди бурят наблюдалось это различие: к иркутским бурятам было более жесткое отношение [9, с. 27]. Выгодное территориальное положение с вытекающими перспективами для развития экономики и в политических процессах способствовало созданию крайне благоприятных условий для распространения буддизма.

Вместе с тем другим важным фактором успеха буддизма, наряду с выигранным геополитическим положением, стали мировоззренческие основания монгольского мира, т. е. значимы были не только политические факторы, но и духовная составляющая. Это было отмечено Л. Е. Янгутовым и И. С. Урбанаевой, которые считают, что «буддийская философия и этика в своих базовых аспектах

¹ Статистический ежегодник. 2021: статистический сборник / Бурятстат. Улан-Удэ, 2021. 435 с. С. 207–208. URL: https://burstat.gks.ru/bur_compendium. Текст: электронный.

нашли понимание со стороны бурят во многом благодаря древнему тэнгрианскому мировоззрению, в рамках которого уже были давно ассимилированы некоторые важные буддийские представления, в частности о реинкарнации и эманациях великих существ» [13, с. 23]. По мнению Л. Л. Абаевой, буддийская религиозная культура как система уже на ранних этапах обладала знаниями о человеке, его поведении в психической и психосоматической перспективе, психоаналитических характеристиках и парапсихологических возможностях, которые вплоть до настоящего времени импонируют современному монгольскому социуму [1, с. 313].

Также значительным фактором стала сама монголо-бурятская ментальность, которая заключалась в отсутствии «у наших предков привычек к онтологическому преувеличению индивидуального «я» и привязанности к собственной самости» [14, с. 23], а также они обладали «многовековой привычкой к созерцательной жизни» [13, с. 23]. В ментальности монгольских народов становятся стереотипными представления о милосердии ко всему живому и даже к растительности, развивается культ образования — ученость и знания оцениваются как высшая цель человеческого бытия [5, с. 158]. Б.-Х. Б. Цыбикова отмечает, что особенности окружающей среды, организация жизнедеятельности бурят в условиях степной, равнинной зоны проявляются в их темпераменте, способе мышления и им присущи «неспешность в быту, взвешенность поступков, обдуманность действий, пространно-философское восприятие окружающего мира, особый психический склад в отношении времени, расстояния...» [11, с. 119]. Поскольку ментальность есть особое свойство сознания, влияющее на восприятие и отношение к чему-либо, то ментальные характеристики бурят, которые были крайне созвучными с некоторыми буддийскими принципами, сыграли важную роль в рецепции его идей.

Другой важной причиной, отмечаемой Ш. Б. Чимитдоржиевым, явилось то, что монгольские племена устали от многочисленных войн и междоусобиц, которые продолжались еще со времен завоевательных походов Чингисхана. Именно желание прекращения подобных условий жизни стало одной из причин благосклонного восприятия буддийского учения, которое проповедовало миролюбие, терпение и любовь к ближнему [12, с. 17].

Говоря о благоприятных факторах необходимо заметить и то, что сама буддийская система обладала уникальными средствами и методами инкорпорации себя в иную социокультурную среду. Эти средства и методы нарабатывались на протяжении многих веков и даже тысячелетий.

В процессе своего развития и распространения буддизм обрел черты религиозного учения со всеми присущими ему ритуалами и прочими религиозными действиями, сакральными образами, святыми местами и т. д., которые являются отражением исторической эволюции его культовой составляющей.

Некоторые исследователи считают, что буддизм после своего славного индийского периода, придя в Центральную Азию и смешавшись с автохтонными верованиями, утратил свои постулаты. Но надо сказать, что сколько бы ни видоизменялись некоторые его элементы, он все равно оставался учением, основной

целью которого являлось наставление на пути, ведущему к освобождению из сансарных оков и просветлению.

В период своего расцвета в качестве религиозной системы буддизм включил в себя многие элементы из многих других индийских учений и с выгодой для себя реагировал на общественные процессы в древнеиндийском обществе (утрата доверия к центральной фигуре в обществе — брахманам; недовольство кастовой системой; так называемый «духовный разброд»; расплывчатость религиозных предпочтений и т. д.), но при этом оставался все тем же буддизмом, но расширяющим свои границы и влияние. Ни одна страна и ни одна культура не смогла сточить его идейный стержень, более того, буддизм сам становился лицом целых цивилизаций, государств и национальных культур. Исключением не является и бурятская национальная культура, ранее репрезентировавшаяся шаманизмом.

Здесь очень уместны слова Ю. Н. Рериха: «Повсюду, куда бы ни проникал буддизм, он формировал духовную жизнь и характер народа, обогащал его литературу и искусство и давал ему определенное единство воззрений, что, вероятно, является одним из его величайших достижений» [10, с. 20].

Действительно распространение буддизма на территории проживания бурят открыло новую страницу в истории не только этого этноса, но и в культурной и религиозной картинах мира Российской империи в целом. Приход буддизма означал собой не только смену религиозных приоритетов, но и развитие культуры в целом. Богатейшая и развитая буддийская культура, прошедшая долгий путь развития по мере своего продвижения из Индии и Непала в Тибет и Монголию, совокупные достижения ее искусства и литературы внесли в жизнь бурят новые культурные смыслы и ценности. Буддизм сыграл огромную роль в развитии национальной культуры и просвещении бурят. В стенах буддийских храмов издавалась не только религиозная, но и научная и художественная литература, создавались уникальные произведения живописи, декоративно-прикладного искусства и скульптуры. Буддийские монастыри становились центрами духовного и культурного обогащения и развития, способствовавшими росту образованности и грамотности бурят.

Буддизм сыграл важную роль в процессе оформления бурятского этноса как значимый консолидирующий фактор, а подписание в 1727 г. Буринского договора о разграничении территорий между Российской и Цинской империями окончательно определило дальнейшую судьбу разрозненных бурятских племен, находящихся на монгольско-китайско-российском перепутье в пользу последнего.

Известно, что до этих событий бурятские племена издревле входили в состав великого монгольского государства и все процессы, будь то политические или связанные с духовной сферой, происходили в рамках этого мира. Поэтому начальные этапы распространения буддизма среди бурятских племен должны рассматриваться в этих рамках и знакомство с буддизмом, каким бы оно ни было — поверхностным, эпизодичным или глубоким, — состоялось намного ранее официального отсчета, датируемого 1741 г., когда императрица Елизавета Петровна подписала указ о признании буддизма в России. Не ограничиваясь российскими границами и не слишком уходя в глубь истории, Н. Л. Жуковская дает бо-

лее обширную периодизацию буддизма у бурят: первое знакомство с буддизмом, произошедшее еще до присоединения бурятских земель к России (XVI — начало XVII в.); распространение и укрепление буддизма, активное строительство дацанов, формирование культовой практики, просветительская и издательская деятельность дацанов (середина XVII–XIX в.); пик расцвета (конец XIX — начало XX в.); разгром буддийской культуры в советское время (конец 20-х гг. — середина 80-х гг. XX в.); возрождение буддизма (начиная с 90-х гг. XX в. и продолжающееся сейчас) [8, с. 123].

Вместе с тем, сколько бы веков ни насчитывала история буддизма в общемонгольском мире, так или иначе официальный отчет истории буддизма среди бурят и в России в целом начинается именно с указа Елизаветы Петровны. По мнению К. М. Герасимовой, 1741 г. является началом формирования церковной организации буддистов и с этого времени дацаны стали выступать в качестве общественных религиозных центров. До этого времени преобладали кочевые домашние молельни в ставках князей¹ [с. 282]. Официальное признание буддизма и установление границ между двумя государствами способствовали началу становления бурятского буддизма со своими особенностями и новшествами, отличными от тех, что были при монгольском подданстве.

До прихода на бурятские земли буддизм прошел долгий и сложный путь и уже претерпел определенные изменения в периоды его распространения среди тибетцев и монголов. Поэтому вполне естественными стали трансформационные процессы в культовой системе буддизма, который начал распространяться в среде бурят, ставших подданными Российской империи, вследствие чего их связи с монгольским миром стали ограниченными. Но стоит заметить, что «российский вакуум» не означал мгновенный и полный разрыв связей с монгольским миром и утрату объединяющих его духовных ценностей.

В этот период позиции шаманизма как главного регулятора социальной и духовной жизни бурят были очень сильны, и он являлся основным религиозным ориентиром, определявшим его культуру, повседневный быт и обычаи. Но, как отмечают исследователи, «внутренний потенциал буддизма, толерантность, открытость, умение заимствовать чужие обычаи и традиции, а также его консолидирующая роль обеспечила ему социальную востребованность, что позволило в дальнейшем стать неотъемлемой частью культуры бурятского общества, его мировоззрением и образом жизни» [5, с. 169].

Как было отмечено выше, буддизм еще со своего индийского периода был подвержен изменениям и вынужденно включал в свою систему многие элементы из индийских религиозных традиций, отражавших не только духовные ценности, но и социальные и политические процессы, происходившие в Индии. Аналогичный характер события приняли позднее в Тибете, в Монголии, а затем и в Бурятии. Становление буддизма в Бурятии проходило в контексте взаимовлияния и взаимодействия с шаманизмом, что вносило свои коррективы. Но эти изменения происходили по большей части в его культовой сфере, поскольку центральные

¹ Очерки истории культуры Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. Т. 1. 491 с.

идеи буддизма не меняли своей сути, но расширялись границы буддизма как в территориальном плане, так и в содержательном, за счет введения им в свою систему культовых традиций автохтонных верований. О том, что буддизм в Бурятии не поменял своей сути, отмечают Л. Е. Янгутов и И. С. Урбанаева, утверждающие, что буддизму «не пришлось мимикрировать под местные формы духовности — он здесь, так же, как в Тибете и Монголии, вобрал в свою ритуальную систему некоторые обрядовые элементы традиционной бурятской культуры, не искажая свое мировоззренческое, философское и духовное содержание» [13, с. 23]. С.-Х. Д. Сыртыпова отмечает, что буддизм «как вода, принимающая форму сосуда, но не меняющая имманентных ей свойств», обладает глубокой потенцией к адаптации в разных социально-географических и историко-культурных условиях и не теряет при этом своей доктринальной сущности [4, с. 160].

Несмотря на все отмеченные благоприятные условия, внутренний потенциал, доктринальную мощь, буддийская система в Бурятии все-таки претерпела некоторые изменения. Культовая система, причем, уже подвергшаяся некоторым изменениям, строилась не на пустом месте, а на существующих традициях и обычаях, иногда перерабатывая их, иногда напластовываясь и контаминируясь с ними. Поскольку религиозное поле было занято шаманизмом, то все перипетии были связаны именно с ним. Буддизм и шаманизм как взаимодействовали, так и противостояли друг другу, и эти отношения в дальнейшем переросли в более выгодное для обеих сторон взаимовлияние с обоюдными адаптивными процессами. Буддисты изначально не акцентировали внимание на том, что необходимо пропагандировать глубокие философские положения своего учения, но сделали упор на наращивание своего влияния через наиболее востребованные и популярные шаманские обряды и культы. Поскольку буддизм в Бурятии придерживался аналогичных ассимиляторских и адаптационных схем, что в Тибете и Монголии, то в первую очередь ассимиляции подвергались ключевые, социально значимые религиозные обряды, связанные с почитанием покровителей рода, этнической группы; универсальный культ хозяев местности, который распространялся практически на сферы жизнедеятельности; культ шаманских предков; традиционные календарные обряды и др. [9, с. 117]. Все эти культы и обряды находили буддийскую интерпретацию и отправлялись уже не по воле шаманских духов, олицетворявших предков и прочие сверхъестественные силы и явления, и не по шаманскому сценарию, а по буддийским правилам, которым начали следовать сами эти духи. Как пример возможности включения автохтонных божеств в культовую орбиту буддизма можно упомянуть категорию божеств «дамчены» или «дамжаны», что в переводе с тибетского означает «давший обет, связанный клятвой». Этот своего рода универсальный прием обращения небуддийских божеств путем присяги учению применялся великим йогиним Падмасамбхавой при усмирении бонских божеств и включении их в буддизм. Доржи Банзаров по этому поводу писал, что проповедники буддизма вводили в свой пантеон ряд местных божеств, пользовавшихся особым почитанием у жителей, основные священные шаманские места объявлялись буддийскими святынями, также буддизации под-

вергались и различные легенды [3, с. 55]. В целом же распространители буддизма, уступая местным традициям, не старались искоренять шаманские обычаи, а чтобы легче и скорее усилить свое влияние, упрощали учение, делая его более доступным для восприятия мирян.

Особое значение в процессе ассимиляции добуддийских верований имели обряды жизненного и хозяйственно-природного циклов. Буддизм также не смог бы укрепить свои позиции, не проникнув и в структуру семейно-родового уклада. Для этого необходимо было включиться в наиболее популярные общественно-родовые культы. Так, культ семейных и личных покровителей заменялся буддийскими сахюсанами — покровителями или защитниками, или божествами категории срунма [6, с. 7].

В результате всех этих процессов начала складываться особая местная форма буддизма, своего рода региональная форма, которая, по мнению К. М. Герасимовой представляет собой целостную систему вероучения и культа, определенное единство разнородных структурных элементов, создавшееся за счет идейных уступок и в процессе идейного взаимоприспособления буддизма и автохтонных верований [7, с. 16].

Бурятский буддизм, характеризующийся как следующий тибетским традициям, в процессе распространения и утверждения среди бурят приобрел черты национально-территориальной формы буддизма, основанной на вариативной форме тибето-монгольского буддизма. Буддизм в Бурятии представлен традицией гелук, за исключением единичных школ других направлений. В бурятском буддизме сложилась своеобразная культовая система, в первую очередь связанная с отправлением различных ритуалов, которая реализуется на храмовом, бытовом и личностно-индивидуальном уровне. Буддийский ритуал присутствует практически во всех сферах жизни большинства бурят — с рождения до самой смерти. Для некоторых это ежеутреннее угощение сабдаков (божеств-духов местности) или обновление алтаря, это обращение в дацан или простое его посещение для удовлетворения духовных потребностей, успокоения и т. д., это также и обращение к служителям буддийского культа — ламам с определенными проблемами и вопросами и т. д. Все это — то, что касается храмового и бытового уровня и житейско-прагматической ориентированности. А индивидуально-личностный уровень остается в границах проявления религиозности отдельно взятого индивида.

Что касается шаманских традиций, также как и буддизм, они очень распространены среди бурят и весьма значимы в их религиозной и культурной жизни. Тем не менее исследователями отмечается преобладание буддийской традиции, в частности, Д. Д. Амоголонова говорит о том, что «буддизм является национальной религией, интеграционным фактором и важным компонентом бурятской национальной идеи, в конструировании которой буддизму отдается предпочтение» [2, с. 19].

Совокупность множества факторов, отмеченных выше, способствовала возникновению своеобразного местного «осевого времени» для буддизма в Бурятии, когда сформировалось столько благоприятных условий для ее успешного рас-

пространения. За века своего распространения и утверждения буддизм сумел занять доминирующие позиции в социокультурном пространстве бурятского общества в сравнении с шаманизмом — исконной религиозной традицией и христианством — мировой религией, доминирующей в целом по России, но не сумевшей укрепиться среди бурят. Буддизм сыграл важную роль в формировании бурятского этноса и его дальнейшем развитии. В настоящее время, будучи этнодифференцирующей религией, буддизм также презентует и республику в целом.

Литература

1. Абаева Л. Л. Особенности рецепции и аккультурации буддийских идей и практик монгольскими народами России, Монголии и Внутренней Монголии КНР // Буддизм Ваджраяны в России: актуальная история и социокультурная аналитика: материалы VI Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 19–22 октября 2018 г. Санкт-Петербург: Алмазный путь, 2020. С. 306–315. Текст: непосредственный.
2. Амоголонова Д. Д. Религиозное возрождение в пространстве межкультурного взаимодействия (на материалах современной Бурятии) // Проблемы религиозного просвещения в российско-монгольском трансграничье. Вопросы межконфессионального диалога: сб. науч. ст. Улан-Удэ: НоваПринт, 2012. С. 16–24. Текст: непосредственный.
3. Банзаров Д. Собрание сочинений. Москва: Политиздат, 1955. 374 с. Текст: непосредственный.
4. Буддизм в истории и культуре бурят / И. Р. Гарри, С.-Х. Д. Сыртыпова, Н. В. Цыремпилов [и др.] Улан-Удэ: Буряад-Монгол ном, 2014. 418 с. Текст: непосредственный.
5. Буддизм в социокультурных и политических процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы / ответственный редактор Л. Е. Янгутов. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2016. 456 с. Текст: непосредственный.
6. Герасимова К. М. Мировоззренческая и социальная основа синкретизма ламаистской религии: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Улан-Удэ, 1989. Текст: непосредственный.
7. Герасимова К. М. Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1989. 320 с. Текст: непосредственный.
8. Жуковская Н. Л. Буддизм и шаманизм как факторы формирования бурятского менталитета // О буддизме и буддистах: статьи разных лет, 1960–2011. Москва: Ориенталия, 2013. 476 с. Текст: непосредственный.
9. Галданова Г. Р., Герасимова К. М., Дашиев Д. Б. Ламаизм в Бурятии XVIII — начала XX века. Структура и социальная роль культовой системы. Новосибирск: Наука, 1983. 232 с. Текст: непосредственный.
10. Рерих Ю. Н. Статьи, лекции и переводы. Самара: Агни, 1999. 368 с. Текст: непосредственный.
11. Цыбикова Б.-Х. Б. Ментально-духовные аспекты культуры бурят внутренней Монголии КНР по материалам полевых исследований // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. № 4(22). С. 117–123. DOI 10.23951/2307-6119-2018-4-117-123. Текст: непосредственный.
12. Чимитдоржиев Ш. Б. Была ли цивилизация у бурят? Раздумья монголоведа. Улан-Удэ: Бэлиг, 1996. 82 с. Текст: непосредственный.
13. Янгутов Л. Е., Урбанаева И. С. Буддизм и буддология в Бурятии // Вестник БНЦ СО РАН. № 3(15). 2014. С. 20–41. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 21.11.2022; одобрена после рецензирования 28.11.2022; принята к публикации 29.11.2022.

REVISITING THE FOUNDATIONS FOR SPREAD AND DEVELOPMENT
OF BUDDHISM IN BURYATIA

Soelma R. Batomunkueva

Cand. Sci. (Philos.), Researcher,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 640047, Russia
soelmul@mail.ru

Abstract. The article deals with issues related to the spread of Buddhism in Buryatia and the factors that contributed to its successful incorporation into the culture of the Buryats as part of the Mongolian world. These factors were associated not only with the advantageous geopolitical position, but also with general Mongolian worldview foundations close to Buddhist ideas. The spread of Buddhism among the Buryats influenced not only on the religious traditions of the ethnic group, but also expanded the boundaries of the cultural and religious worldview of Russia as a whole. Despite the fact that Christianity and shamanism were already widespread in the Buryats settlement area, Buddhism managed to penetrate the socio-cultural space of the Buryat society. Moreover, the Buddhist tradition, having become one of the ethno-differentiating characteristics, made a significant contribution to the development of the Buryat ethnic group. It is also of great significance to the development of Buryat cultures in general. Buddhism in Buryatia spread in the conditions of interaction with shamanism. As a result of this interaction a peculiar regional form of Buddhism inherited Tibetan and Mongolian traditions began to develop.

Keywords: Buddhism, Vajrayana, Buryats, Buddhism in Buryatia, Tibetan-Mongolian Buddhism; Buddhist cults, assimilation of cults, shamanism, shamanic-Buddhist synthesis, religion in Buryatia, Buryat mentality, Buryat culture.

Acknowledgements

The study was carried out within the grant of the Russian Science Foundation No. 21-18-00074 “Worlds of Mahayana Buddhism in the Context of World Civilizational Processes”.

For citation

Batomunkueva S. R. Revisiting the Foundations for Spread and Development of Buddhism in Buryatia. *Bulletin of Buryat State University. Philosophy.* 2022; 4: 48–56 (In Russ.).

The article was submitted 21.11.2022; approved after reviewing 28.11.2022; accepted for publication 29.11.2022.